

Люди города

Нина САДУР

ОТВЕТЫ

1. *Расскажите, пожалуйста, о семье, в которой вы родились. Были ли у вас в роду пишущие, люди искусства?*

2. *Есть ли у вас другая профессия, кроме профессии писателя?*

3. *На конкурс в Литинститут вы подавали пьесу или тексты другого жанра?*

4. *Ваша учеба в Литинституте – с пользой или же зря потраченное время? Чему вы научились у руководителей семинара? Из вашей группы сколько человек осталось в литературе?*

5. *Верно ли, что Н. Гоголь – ваш любимый писатель? Почему именно он?*

6. *Как вы относитесь к современным спектаклям и экранизациям Гоголя, в частности к спектаклю «Шинель» в «Современнике», где М. Неелова играет Акакия Акакиевича, к фильму Бортко «Тарас Бульба», к фильму «Русская игра» по пьесе «Игроки»?*

7. *Где вас больше издадут / ставят: в Москве или в провинции, в России или за границей?*

8. *Какие из спектаклей по вашим пьесам, на ваш взгляд, наиболее удачны?*

10. *Что вы любите делать помимо писательства, где предпочитаете отдыхать?*

11. *Расскажите, пожалуйста, о вашей последней изданной книге.*

Я родилась в Новосибирске 15 октября 1950 г. в районе Кривошёково. Я помню своё малолетство в Саду металлостроителей и жгучую зависть к безногую злоющему сторожу сада. Мы его звали почему-то Удод. Я мечтала быть его заместителем, а он орал на нас тоскливым ором, не разрешал рвать землянику на лужайках и лизать клёны – весной они сочились сладким соком. Удод был послевоенный несчастный человек и мечтал быть единственным командиром и обитателем Сада металлостроителей. Тогда (10 лет после войны) было много несчастных и злых людей. Они кричали, как плакали, и плакали, как будто ругались. Удоду я объясняла, что когда вырасту, стану путешественником и биологом. Удод тосковал – всё, что он мог – быть главным в Саду металлостроителей. Осенью малолетки вязали красивые гирлянды из золотых листьев – длины невероятной. Мы Удоду кричали, что он Удод, и он, криво шатаясь, гонялся за нами, за нашими гирляндами. Он чем-то был похож на ничейную собаку – откликался на любой зов. Чтоб совсем свести Удода с ума, мы «выступали» на лужайке, как на стадионе со своими гирляндами, будто бы мы художественные гимнастки с лентами. Но мне кажется, в чём-то я была проныра, потому что удалось мне втереться в доверие к Удоду, и он нам разрешал осенью жечь костры из опавших листьев и печь картошку. Жечь и печь хоте-

лось страстно! И Удод нам разрешал!!!

Сад металлстов, это было место огромного счастья. Он был огромен, невысок и довольно плоский со своими зелёными пространствами, клёнами-то полями и пыльной акацией, которая почему-то всегда вызывала тоску, в отличие от клёнов и особенно тополей, сладких и родных деревьев Сибири. Сад этот был весь охвачен высоким, чудесным, подробным (досочка к досочке и точёные столбики с крышечкой наверху) деревянным, крашеным в зелёное, забором. Сверху по забору шла широкая удобная доска, по ней мы и бегали: вверху, по головам сада – мы, внизу, в зарослях шиповника, хромой Удод. Его тоска нас пугала и злила.

На главной аллее сада стояли могучие лавки с гипсовыми подлокотниками, крашеными серебрянкой. На них сидели жёны военных в серебристых «пыльниках». Меж лавок, тоже – серебряные, стояли скульптуры советских металлстов. А на земле за лавками, в кудрявой мураве мерцали мириады мелких стёклышек и камушков. (Этот мир не мог кончиться, он был вечен.) Если же по этой аллее идти вверх, до конца сада, то счастье разгоралось, становясь почти нестерпимым – аллея упиралась в чудесный кинотеатр «Металлист» с прохладной дощатой террасой, пахнувшей тёплым деревом и пионерлагерем. Там мы с мамой смотрели кино «Русское чудо». Мне понравилось, а мама сильно ругалась.

Мама ругалась также, что моё зелёное драповое пальто (мальчуковое) провоняло дымом. Почему-то я всю жизнь ходила в зелёных пальто...

А один раз я свою маму чуть не посадила в тюрьму. Она вообще была крикливая, и в её крике слышалось то же, что в крике Удоды и остальных неласковых граждан нашего Кривощёково. Часто, сидя на кухне с тётей Зоей, мама кричала, что Хрущёв страну угробил, что он дурак некультурный, и у нас из-за него белого хлеба не стало. Ну, я и решила свергнуть Хрущёва. Я очень любила свой злой, ругливый народ (ведь я дружила с его детьми), и я хотела ему счастья. Я написала записки: «Вставайте против Хрущёва. Хрущёв не вождь». По хитрости своей изворотливой натуры я покапала на записки одеколоном «Шипр» и посыпала их табаком, украденным у дяди Вади (чтоб собаки не взяли след). Эти записки я рассовала по почтовым ящикам наше-

го двора. Я уже не помню, как меня вычислили, но граждане сильно ругали меня и мою маму. Все они вернули нам мои записки. Я только про Карлов не сказала. Я стеснялась, что нашим соседям по площадке Карлам я тоже сунула записку про Хрущёва. Я умирала от смущения из-за Карлов. Карлы были немцы, и в этом была какая-то тайна. С Вовкой Карлом мы приятельствовали, но взрослые Карлы с таинственно синими глазами и облачным светом волос над лицами... Я ничего не сказала про Карлов. И Карлы тоже промолчали. Ни один человек – ни молчаливые Карлы, ни наши, русские крикуны, на нас с мамой не донёс.

Ну так вот. Мама была учительницей русского языка и литературы в вечерней школе, а папа поэтом и членом союза писателей, с которым у него были очень плохие отношения. Он любил, выпимши, орать на писателей, что они спекулируют своим фронтовым прошлым и кланчат себе разные льготы. В итоге папу моего Николая Илларионовича Перевалова – это псевдоним, фамилия его Колесников, я в девичестве – Нина Колесникова (Колесо, как по-доброму дразнили меня друзья). Ну, так вот, папу моего совершенно перестали печатать в Новосибирске и печатали только в Москве в издательстве «Молодая Гвардия», где работал его фронтовой друг Николай Старшинов. Про Николая Старшинова я помню только, что у него были очень синие глаза. Один раз они с моим папой сильно выпили, и мама громко выгнала их на улицу. Утром они бурно хвалились, как ночевали на лавке в Саду металлстов. Я даже немножко приревновала – Сад-то металлстов был только наш и Удоды...

Папа мой ненавидел ездить в дома творчества и всю жизнь уезжал на всё лето на Заимку Седова. Там он выпивал землянку, с фронтовой умелостью выстилал её лапником и накрывал брезентом. До поздней осени рыбачил, собирал грибы, пил чай из жестяной кружки и писал стихи. У меня целый сундук с его записными книжками. На «Заимке Седова» я не была ни разу. Надо ли говорить, что мы с мамой слыхом не слыхивали ни про какие Коктебели и Переделкины. Мы с мамой ездили отдыхать в Сочи. Нас, кривощёковских сибирячек, Сочи валил с ног своей роскошью.

Потом мы с мамой жили в центре,

на другой стороне Оби. Мы навсегда уехали из Кривощёково, хранительницы Сада металлостов, и я поклялась себе всю жизнь любить злого бледного одноклассника Гарри Зея и каждое воскресенье приезжать в Сад. Но река Обь навсегда отрезала от меня это место.

На улице Гоголя мы с мамой поселились в однокомнатной квартире. Это был центр Новосибирска – на трамвае две остановки до Оперного. Здесь люди были тише, не так кричали, как в Кривощёково, но и знакома я с ними была поменьше. Наша квартирка выходила окнами на травянистый двор, через дорогу были зоопарк и союз писателей. Ночью было слышно, как плачут животные.

В 15 лет я поступила в ЛИТО к человеку с фамилией Фоняков. Стихи у него были, как его фамилия. И он, один из всего Советского Союза, побывал в Японии. В это как-то не очень верилось. Не очень верилось, что Япония где-то есть. Но это придавало тов. Фонякову огромный вес в наших глазах. В ЛИТО я нашла себе друзей на всю жизнь. Их теперь называют «Сибирской школой поэзии» Я надеюсь, что хоть краешком, хоть каким принадлежу к ним, к моим великим друзьям-поэтам. Это Саша Денисенко, Ваня Овчинников, Толя Маковский, Жанна Зырянова, Коля Шипилов. Боюсь, что Фоняков мучился нами всеми. Он говорил, что у Вани Овчинникова бессвязные стихи, а мне почему-то советовал ехать на БАМ, а то я писателем никогда не стану. Какой БАМ, когда мы с Жанкой подражали Брет Эшли и завывали Цветаеву на всех углах? И маленькую Юлю, в белокурых ямочках, таскали за собой, как подарок. Юля Пивоварова сейчас выросла в замечательно поэта. Или мы вместо БАМа мчались с Иваном Афанасьевичем Овчинниковым по сибирским ночным сугробам, нахально остановив милиционерскую машину, чтоб доехать до сахарного нашего ненаглядного Дениса, жившего тогда в деревянном домике у съёмной бабки. Бабка при виде нас, румяных от мороза и яблока-вина, жалостно завывала над Денисом: «Они бандиты. Затянули тебя. Саша, покаяйся. Тебе меньше срок дадут...» Один раз Ваня Овчинников сказал Фонякову:

– У вас очень плохие стихи, – когда всё доел, что Фоняков ему дал из еды.

Фоняков был великодушный чело-

век. И он снисходительно улыбнулся и спросил у Вани:

– Что ж мне с этим делать, Иван?

– А вы пойдите на балкон и повесьтесь, – ответил сытый Иван.

А про себя Иван написал вот что: «Да где ж бессвязность-то?// В тысяча и тысяча году// гуси клювами завязывают// Ванину рубашку на лету.//

А в другой раз вместо БАМа ко мне домой пришли одной лютой ночной зимой Иван и Коля. А когда мой дедушка в другой комнате заплакал, что у девушки мужчины ночью песни поют, я их, моих драгоценных, выгнала. Ивану было всё равно, а с Колей мы поругались. Он напрямую спросил: «Нинка, ты кого больше любишь? Своего дедушку или нас?» Я выдержала его честный цыганский взгляд: «Дедушку больше. Но и вас люблю». Была глухая ночь, и парни спали в подъезде под батареей. Я им вынесла подушки, одеяло, стаканы и покусывать. Я любила и дедушку старенького, и их. А БАМ – никогда.

Потом, вдруг там же, в Новосибирске, каким-то непостижимым образом оказался и сверкающий, невозможный Женя Харитонов (москвич!). И отдельно я подружилась навсегда с чудесным прозаиком-тяжеловесом и лучшим, на мой взгляд, переводчиком фаулзского «Коллекционера» Лёшей Михеевым. С ним мы учились выживать в литературе. Эти люди даны были мне, чтоб я не стала зубным техником или инженером-плановиком, или манекенщицей, на худой конец. Бог меня любил и одарил так щедро, что вся русская речь стала моей собственностью.

В Литинститут я поступила случайно. Я жила в Новосибирске как в раю, с бешеной ненасытностью общаясь с друзьями и громадной-Сибирью. Но тайная хитрость, холодный расчёт, заложенные в меня с детства, подсказали – здесь в Союзе писателей все скорее умрут, чем станут тебя, Нина, печатать. Мы все страстно хотели печататься. И нас никто не печатал. В Москве меня поразили две вещи: несопоставимое невежество – буквально – необразованность служащих «толстых» журналов с абсолютным, на мой тот взгляд, нормальным знанием мировой и русской литературы хоть Женей Харитоновым, хоть моими друзьями Де-

нисом, Максом, Ваней... Как будто существовало два параллельных мира. Мы тот, мир тупых, называли «официоз». Вот на этих смутных тропах междумирья и стал моим Вергилием удивительный и недооценённый мною человек Виктор Сергеевич Розов. Если бы я могла сейчас ему сказать, как глубоко я благодарна ему. Но – не могу... О том, что человек навсегда занял место в твоей душе, узнаёшь слишком поздно. Это называется «невосполнимая утрата», кажется.

В Литинституте было весело. У меня были две подружки: Лелде Стумбре и Валя Кизило. Лелдик стала драматургом в Латвии, Валя преподаёт в университете, кажется. Там были и персонажи вполне зловещие: наподобие такой Светы Василенко, рубахи-девки и комсорга по призванию. Комсорги, как известно, обязаны блюсти идеологическое здоровье студентов-писателей. И правда, эта тёмнолицая комсорг Света Василенко всегда появлялась неожиданно и сидела у вас, сколько ей самой хотелось. Я, польщённая, думала, мы дружим. Но на выпускном балу, изрядно выпив, наш комсорг (член партии и красная дипломика!) Света Василенко стала гоняться за мной и тоскливо кричать: «Убирайся отсюда! Убирайся, здесь всё наше. Тебе не место в нашей литературе!» Ну, я и убралась. Надо сказать, что я до сих пор это слышу, от других таких же тётъ свет. Мне до сих пор непонятна роль этой Светы Василенко в литературном мире. Хотя, с другой стороны, почему бы и нет? Каков мир, таков и комсорг. Литературный мир и должны лепить такие косноязыкие, кряжистые и плосколицые, как эта Света Василенка – ведь им несть числа. На девяносто процентов он состоит почему-то из графоманов. И – правильно состоит. Мне кажется, это чисто наше, русское, простите, российское. Наша тайная вера в превосходство писателя над простыми. Что-то вроде этого.

Надо сказать, что Литинститут при Пименове, позже при Сидорове был роскошен: блестящие преподаватели, талантливые студенты, многие стали писателями и поэтами. Но явился Есин. И – тьма упала.

Вопрос о ГОГОЛЕ. Я живу рядом с домом, где Гоголь сжёг второй том «Мёртвых душ» и умер. Я живу рядом с Андреевским памятником Гоголю. Я

не нарочно тут живу. Мне так выпало. Я написала две пьесы по произведениям Гоголя. Но я никогда не посмею назвать себя гоголеведом и уж тем более сравнивать Солженицына с Гоголем, как это делает товарищ Золотусский. Я считаю это недопустимой невежественной профанацией русской литературы. И – амикошонством по отношению и к Гоголю, и к Солженицыну. Я боюсь, что грамотные люди просто смеются над таким «гоголеведением». Это, кстати, вообще касается у нас любого «ведения» в толстых московских журналах. Я понимаю, что есть генетическая глупость: если ты с молоком матери всосал всех этих «бронзовых птиц», «кортиков» и тут же вполне всеядно «детей Арбата» – тут уж не до Гоголя, тут мама дорогая, и вот вам литпроцесс. Но есть же Пермская кафедра литературы, есть серьёзное изучение той же «текучки». Только это не у нас, это в Перми – на другой планете. От этого истерика такая вокруг премий литературных. Выдумки про какие-то литературные мафии. Премии эти в рублях равны одной серии средненького сериала. А какие могут быть «мафии», если с ног до головы скомпрометирован московский литлюд своими же писульками друг про друга же. Причём все, в алфавитном порядке. Делёжка дач опять же полоумная. И в писатели записали уже просто всё, что движется... Уже сам Битов в своём ПЭН-клубе благородно в писатели всех своих секретарш записал и в ПЭН-клуб принял... Поэтому больше я себя членом ПЭН-клуба имени Битова не считаю. Я не могу соперничать с его секретаршами – катями-писательницами, завхозами – мишами-писателями, и личными шоферами-пусями – тоже писателями.

Если эти люди не имеют полноценных денег и профессионализма, то о каких мафиях речь? Полагаю, они сами себе очень сильно льстят, сочиняя про самих же себя свои «мафии».

Вопрос об изданиях. Последняя книга вышла три или четыре года назад в издательстве «Вагриус», которое по непонятным мне причинам издаёт меня. А до этого с огромным трудом и хитростями мне удалось склонить к изданию моих книг одного простодушного миллионера... (Он полный тёзка одного космонавта...)

Что касается нового. Только что закончила новую повесть, которую предложила в «Знамя». Не потому, что люб-

лю их. «Знамя», на мой взгляд, всегда был так же безнадежен, как коричневый на ватных плечах пиджак Сергея Ивановича Чуприна и как его литературоведческие изыскания. Но это единственный журнал, который почему-то меня печатал. Но в этот раз мне не повезло. Я не прошла у них творческий конкурс на предмет публикации. «Автор трудный, редактуре не поддающийся. Напечатаем половину повести, а вторую – печатайте где-нибудь ещё» – резюме «Знамени». Поэтому я публикуюсь теперь у Мошкова и на «прозе.ру» – в развесёлом ЛИТО среди жизнерадостных подростков и каких-то печальных мужчин на фоне берёз... и ближайшая «бумажная» публикация, извините, в Италии. А ближайшая постановка – в Японии. Хотя с постановками меня театры по-прежнему не обижают и в России-матушке.

Любимые режиссёры Владимир Туманов и Анатолий Баскаков. С Толей во Франции познакомились – он возил туда моих «Замёрзли». Потом приехала к нему в Улан-Удэ. А Володя – питерский режиссёр, поставил практически все мои пьесы. Обожаю его «Лунных волков» – они уже лет 15 идут на Фонтанке. Заграничный театр намного слабее нашего, русского (в отношении меня, моих пьес слабее). Но люблю атмосферу театра, скитаний, запах кулисы, ложного веселья – немного похоже на мою новосибирскую юность почему-то.

В первую очередь люблю не постановку, а слово. Писать. Никогда не хотела, например, рисовать, или петь, или ставить свои пьесы.

Отдыхать люблю в местах безлюдных, и чтоб природа, хоть степь, хоть пустыня, хоть пустырь. Море очень

люблю. Ещё – маленькие, временные для меня города и полустанки.

Когда много денег было, важничала, гордилась, сибаритствовала, мечтала мягкую мебель купить. Не успела и всё потратила на какие-то судорожные спесивые и глупые ресторанишки.

Без денег – ясность и внимание к миру, причём безо всякой натуги, не трудно.

Что я читаю. Из литературоведения читаю сайт Пермского университета. Писателей: люблю и читаю Александра Строганова, которого считаю загадкой русской литературы. Великолепного читаю Олега Юрьева. Который, кстати, тоже больше себя автором «Знамени» не считает, хотя «Знамя», навряд ли, ему не отказывало. Может, зазнался? Олег Юрьев только что получил престижнейшую литературную премию в Германии «за большой творческий потенциал». Открыла для себя очень сильного прозаика Максима Гуреева, непонятно почему напечатанного в «Знамени». Им что Эраги Гер, что Максим Гуреев – всё в кучу, им это – одного уровня авторы. И чудного прозаика Романа Назарова «Очарованного якута».

Убеждена, что ещё найду великолепных прозаиков, но не в Садовом Кольце (здесь только я писатель!), а пока что душевно и радостно переживаю роскошную статью Ольги Мартыновой «О загробной победе соцреализма». Ольга Мартынова, кстати, опубликовала свой новый роман, написанный на немецком языке, и уже собрала 15 блестящих отзывов ведущих и НЕПОДКУПНЫХ критиков Германии.

Мечтаю поехать на Заимку Седова.

Прощу прощения, если что не так...

7 июля 2010 г.